

УДК 94 (571.15)

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УПРАВЛЕНИЯ АЛТАЙСКОГО ОКРУГА ПО РЕШЕНИЮ ПРОБЛЕМЫ
МАТЕРИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЛЕСНЫХ СЛУЖАЩИХ В 1917 Г.**

А. А. Калашников

Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул

Автор статьи на основе материалов фондов Государственного архива Алтайского края рассматривает деятельность Управления Алтайского округа, направленную на улучшение материального положения лесной стражи осенью 1917 г. Автор приходит к выводу, что Управлением округа предпринимались реальные меры для улучшения материального положения лесных служащих, но из-за отсутствия поддержки со стороны местной и центральной губернской власти они носили временный характер.

Ключевые слова: Алтайская губерния, лесная стража, Управление Алтайского округа, земельный комитет, Л.Л. Маслов

ACTIVITY OF THE DEPARTMENT OF THE ALTAI DISTRICT TO SOLVE THE MATERIAL ISSUE OF FOREST SERVICERS IN 1917

A. A. Kalashnikov

Altai State Pedagogical University, Barnaul

The author of the article, based on the materials of the State Archives of the Altai Territory, reviews the activities of the Administration of the Altai District aimed at improving the material condition of forest guards in the autumn of 1917. The author comes to the conclusion that the Administration of the Altai District took real measures to improve the material condition of forest employees, but because of lack of support from local and central provincial authorities, they were temporary.

Keywords: Altai gubernia, 1917, forest guards, Administration of the Altai district, land committee, L.L. Maslov

Материальный вопрос, ставший особенно актуальным после Февральской революции, являлся одной из причин ухода со службы лесных служащих Алтайского округа (а затем и губернии). Как правило, историки, обращаясь к проблемам хозяйства Алтайского округа в революционные годы, связывают уход со службы лесной стражи и лесничих с широким крестьянским движением, делавшим службу опасной, а иной раз просто невозможной [1, с. 88; 2, с. 61–62; 3, с. 245; 4, с. 180]. Напряженные отношения лесной стражи с местным населением усугублялись тяжелым материальным положением, при котором служащие думали не о ведении окружного хозяйства, а о собственном выживании. Управление Алтайского округа осознавало проблему и неоднократно поднимало данный вопрос на различных ведомственных совещаниях. По нашему мнению, ориентация Управления округа на решение данного вопроса совместно с новообразованными органами власти, в частности, с земельными комитетами, не оправдала себя. В связи с этим, на основе протоколов заседаний ведомственной администрации, межведомственных отношений, рапортов служащих округа и материалов периодической печати мы предпринимаем попытку рассмотреть деятельность Управления Алтайского округа по решению материального вопроса лесных служащих осенью 1917 г.

Февральская революция ознаменовала начало глубокого хозяйственного кризиса для Алтайского округа. Несмотря на ряд выработанных Управлением округа превентивных мер еще в первой декаде марта [5, с. 30–33], земельные захваты, самовольные порубки, отказы от выплаты арендной платы и устранение лесной администрации крестьянскими обществами (а также ее уход со службы по собственному желанию) привели к фактическому развалу централизованного окружного хозяйства.

Члены Алтайского губернского земельного комитета отмечали, что там, где объездчики исполняют свои обязанности исправно, отсутствуют самовольные порубки [6, л. 2–2 об.]. По мнению членов 2-й сессии губземкома, лесная администрация была виновата в самовольных порубках и захватах лесов округа не меньше, чем крестьяне, занимавшиеся этим напрямую [6, л. 6]. Нежелание объездчиков исправно нести службу объяснялось недостатком платы за нее и агрессивным настроением местного населения к служащим округа. В августе 1917 г. Временным правительством были утверждены временные правила о дополнительном вознаграждении младшим служащим правительственных учреждений гражданских ведомств в размере от 40 до 100 руб. ежемесячно [7, 23 авг.]. Но лесной стражи Алтайского округа это касалось мало. В одном из лесничеств округа объездчик на замечание лесничего о недостаточной бдительности при охране леса совершенно спокойно заметил: «Сапоги сносим, а они стоят 60 рублей» [8, л. 114 об.; 4, с. 181]. «Невозможные условия существования» [9, л. 67] из-за отсутствия помощи в решении местных конфликтов и вопросов, возникавших на почве земельно-лесного пользования, отмечались в рапортах лесничих округа на протяжении всего года. Лесную стражу заставляли покидать кордоны, которые по решению народных собраний или сельских комитетов переходили в распоряжение местного населения. В дальнейшем они могли быть заселены переселенцами, которым было необходимо жилье, могли быть разобраны и перенесены на территорию села, а могли быть даже выставлены на продажу [10, л. 64 об.; 11, л. 303]. При этом в большинстве рапортов служащих отмечалось нежелание местных органов власти идти на контакт с лесной администрацией округа. После оставления службы лесной стражей многие объезды начинали пустовать, оставаясь в руках местного населения.

Кандидатов в объездчики категорически не хватало. О кадровом кризисе говорит постановление 1-й сессии постоянного совещания по лесохозяйственным вопросам при Управлении Алтайского округа, согласно которому был выделен кредит на снаряжение и путевое довольствие стражи, а также возвращавшимся из войск бывшим объездчикам при назначении их в лесничества

[12, л. 15]. В сентябре в Барнаульском лесничестве объездчику предлагалось жалование 60 руб. в месяц и еще 15 руб. военной прибавки, необходимым было наличие лошади [7, 19 сент.]. Примечательно, что еще в августе в Барнаульском лесничестве месячный оклад объездчика составлял 30 руб. и желающих поступать на службу не находилось [13, л. 65]. Видимо, кадровый дефицит заставил увеличить размер месячного жалования, особенно учитывая то, что в этом лесничестве в сентябре одному человеку приходилось следить за тремя объездами [6, л. 30; 13, л. 74–74 об.]. Положение лесничих и их помощников было гораздо лучше, чем рядовых лесных служащих. Так, касмалинский лесничий Чичерин в течение 1917 г. получал жалование по 300 руб. в месяц, а его помощник около 200 руб. (не учитывая столовых денег и других льгот) [14, л. 112].

На 2-й сессии Алтайского губернского земельного комитета был заслушан доклад начальника Алтайского округа Л. Л. Маслова «О служебных наделах стражи». Враждебное отношение населения к лесной страже выражалось, в первую очередь, в лишении ее служебных наделов. Там, где удалось сохранить служебные сенокосы или объездчики получили от комитетов участки из уже захваченных наделов, служащие получили 1–2 дес., редко 3–5 дес., при этом большей частью участки были плохими или потравленными [6, л. 61–61 об.]. В одном из прошений стражи, зачитанном на заседании сессии, говорилось: «Минимальная сумма, необходимая... чтобы прожить... определяется в 75 руб., а мы получаем 39 младший и 57 р. 50 к. старший» [6, л. 61 об.]. Между тем, жизнь на 35 руб. в месяц алтайские газеты называли подвигом [7, 14 сент.]. Л. Л. Маслов назвал лишение стражи сенокосных наделов «бедствием катастрофического характера», и это неудивительно. При отсутствии наделов стража была вынуждена содержать лошадей (ее наличие было желательным) из собственных средств, если лошади у объездчика не было, он мог бы использовать надел для держания собственного хозяйства или сдавать землю в аренду членам сельских обществ. По причине дороговизны у объездчиков не было возможности покупать сено. Одна копна могла стоить 2–5 руб. и больше. Городскими служащими расходы на лошадь оценивались примерно в 25 руб. в месяц [7, 24 сент.]. А ведь объездчику еще было нужно на что-то жить.

По словам Л. Л. Маслова, именно данные обстоятельства вызвали массовый уход объездчиков со службы. Попыткой прекратить отток ценных кадров было выделение Управлением округа пособий на покупку сена и аренду сенокосов, однако этих средств не хватало. По названной причине начальник Алтайского округа обратился в Лесной департамент Министерства земледелия за разрешением сверхсметного расхода в 40 000 руб. [6, л. 62 об.]. Решение вопроса об ассигновании средств на покупку сена для объездчиков было предпринято еще до 2-й сессии губземкома. Л. Л. Маслов поднял этот вопрос представлением от 18 августа в Министерство земледелия [15, л. 54, 55]. После этого в Алтайский губземком пришло отношение Министерства земледелия, в котором комитету предлагалось изыскать необходимые средства для приобретения некоторым объездчикам необходимого сена [15, л. 29 об., 54, 55].

В заключении доклада Л.Л. Маслов обратился к членам сессии с просьбой побудить население внести деньги за захваченные наделы, выработать хотя бы примерный план снабжения сеном служащих в текущем году, а также «принять все меры к ограждению на будущее время стражи от повторения подобных самоуправств» [6, л. 62 об.].

После незначительных прений участниками сессии было принято три резолюции:

1. Возвратить страже все изъятое у нее населением служебные сенокосы, считая их прибавкой к содержанию, а также принять меры к обеспечению лесной стражи сеном силами сельских обществ, которые его отобрали.

2. Поддержать ходатайство начальника Алтайского округа об увеличении содержания объездчикам (все добавочные вознаграждения должны определяться на равных основаниях с крестьянами волостными земельными комитетами).

3. Оставить за лесообъездчиками полный земельный надел до того момента, пока не появится возможность замены его денежной компенсацией [6, л. 6 об.].

Осознавая декларативность резолюций и отсутствие реальных рычагов для приведения их в действие, участником сессии А. А. Лутохиным было замечено, что принятие данных резолюций не разрешало вопросов об улучшении материального положения лесообъездчиков «не только в смысле увеличения заработной платы..., но даже уменьшает таковую, не предусматривая сроки увеличения денежного вознаграждения» [6, л. 7].

На этом вопрос материального положения лесной стражи не был исчерпан. Вновь он был поднят 9 октября на заседании 3-й сессии Алтайского губземкома. Приняв во внимание утвержденную прибавку низшим служащим Алтайского округа, в т. ч. и лесной страже, в 40 руб. в месяц, а также принятые меры округа к обеспечению лесной стражи денежным пособием на покупку

сена, было решено возбудить ходатайство об увеличении добавочного вознаграждения до 100 руб. в месяц [15, л. 30]. Однако, несмотря на утвержденные прибавки, Управление округа не располагало необходимыми средствами для увеличения жалования лесным служащим в течение 1917 г., поэтому оно предполагало заняться этим вопросом в 1918 г.

Вопрос об улучшении материального положения служащих затрагивался и на заседании 1-й сессии постоянного совещания по лесохозяйственным вопросам при Управлении Алтайского округа. Л. Л. Маслов также выступил перед участниками сессии с докладом, представленным ранее на 2-й сессии Алтайского губземкома, и дополненным описанием прений после него. При этом начальник округа отметил, что его требование об ассигновании средств на покупку сена объездчикам не было удовлетворено членами губземкома вплоть до обращения в Министерство земледелия [12, л. 36]. Но удовлетворено оно было своеобразно: губземком попросил начальника округа внести нужную сумму в смету 1918 г. Из-за такого решения проблемы Управлением округа было выделено на удовлетворение лесных служащих в сенокосных наделах 22 666 руб., из них 19 666 руб. были выделены сверх текущей сметы [12, л. 40]. Также на совещании было решено запретить продажу сенокосных наделов стражей на сторону [12, л. 30]. По нашему мнению, данное решение было принято в целях избегания возможных в дальнейшем конфликтов по этому поводу с местным населением.

Участники 2-й и 3-й сессий Алтайского губземкома своими постановлениями фактически лишь усугубили ситуацию в деревне. Исходя из его постановлений, мы можем утверждать, что губземком решил не выступать против захватов населением сенокосных наделов, не осуществлять поиск и привлечение виновных в этих захватах лиц, а лишь обозначить меры компенсации для пострадавших от решений местных властей служащих округа (которые априори могут быть лишь временными). Поэтому неудивительно, что участниками заседания 1-й сессии постоянного совещания по лесохозяйственным вопросам было решено ходатайствовать об отмене этих постановлений [12, л. 29 об.]. Тем более что все реальные шаги по улучшению материального положения лесной стражи предпринимались Управлением Алтайского округа. На 4-й и 5-й сессиях губземкома вопрос материального положения лесной стражи уже более не затрагивался. Мы считаем, что это связано не с решением его на предыдущих сессиях, а с отсутствием должного представительства округа на последующих совещаниях (для Л. Л. Маслова 3-я сессия губземкома стала последней [11, л. 140–140 об.]), а также осознанием того, что ориентация на помощь губземкома не приносит реальных результатов.

Итак, декларативный характер постановлений губземкома и отсутствие рычагов для реального решения хозяйственных вопросов в алтайской деревне вынуждали Управление округа действовать собственными силами. Мы видим, что в 1917 г. Управлением Алтайского округа предпринимались реальные меры для улучшения материального положения лесных служащих округа, но самостоятельные попытки решения вопросов материального обеспечения лесной стражи, в виду отсутствия должной поддержки со стороны центральных и местных органов власти, носили лишь временный и локальный характер.

1. Горюшкин Л. М., Ноздрин Г. А., Сагайдачный А. Н. Крестьянское движение в Сибири 1914–1917 гг. Хроника и историография. Новосибирск: Наука, 1987. 241 с.
2. Иванцова Н. Ф. Сибирское крестьянство в 1917 – начале 1918 гг. М.: Прометей, 1990. 167 с.
3. Жидков Г. П. Кабинетское землевладение (1747–1917 гг.). Новосибирск: Наука, 1973. 264 с.
4. Тяпкин М. О., Поляков С. Е. Лесоохрана в Алтайском округе в 1908–1919 гг. // Население, управление, экономика, культурная жизнь Сибири XVIII – начала XX вв. Барнаул, 2003. С. 166–193.
5. Афанасьев П. А., Калашников А. А. Деятельность Управления Алтайского округа в региональном контексте Февральской революции // Известия Алтайского гос. ун-та. 2017. № 2 (94). С. 28–35.
6. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 229. Оп. 1. Д. 20.
7. Жизнь Алтая. Барнаул, 1917.
8. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 540.
9. ГААК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 4.
10. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4687.
11. ГААК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 2.
12. ГААК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 33.
13. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4683.
14. ГААК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 7.
15. ГААК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 25.